

СОДЕРЖАНИЕ ФОРМЫ, ИЛИ СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ

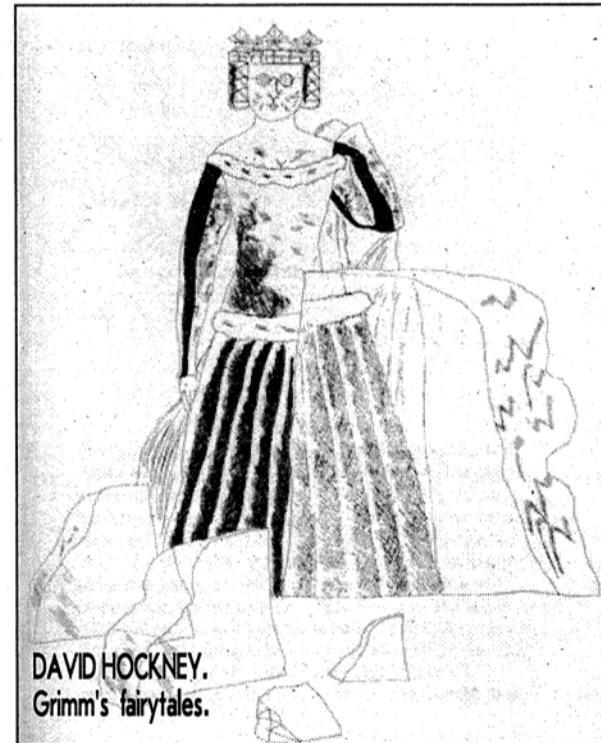
1996 №5

В своих наивных нападках на "постмодернистскую" литературу ревнители классической ясности и стихийной исповедальности имеют один, как будто бы, неопровергимый аргумент, презрительно и молчаливо гордо игнорируемый их эстетическими оппонентами. А именно - относитесь как угодно к этим свойствам, наслаждайтесь ими или страдайте от них - но сознательное и едва ли не азартное комбинирование, центонность, интеллектуализм, игра и провокация, стилистическая мимикрия и прочие признаки ненатуральности, сочинительства, "не природности" есть суть творческого метода "других" (не советских, не русских, а русскоязычных) литераторов. Причем, под эпитетом "постмодернистская" попадает необъятное сомните (какое веселое претенциозное слово!) пишущих (и в прошедшем, и в настоящем, и в будущем временах) от Владимира Набокова до Владимира Сорокина. В одном круге адского бомбоубежища томятся, кроме случайно названных, и никогда "вместе не служившие" Абрам Терц, Иосиф Бродский, Всеволод Некрасов, Виктор Кривулин, Елена Шварц, Саша Соколов, Юрий Милославский, Марк Харитонов и прочая, прочая, прочая... То есть все не Большие, не Нравственные, не Народные, не Государственные, не способные просто так в благородных и общеполезных целях пользоваться великим и могучим, данным нам раз и навсегда родным языком, а также универсальными и непререкаемыми заповедями первых христиан и последних строителей коммунизма. Все, пьющие не от неизбывной любви к бесконечным далям, березовым веникам и простой девочке Лиде... Москва и Петербург, Екатеринбург и Челябинск, Нью-Йорк и Иерусалим слились в едином демоническом угаре разрушения, гордыни и самокапания.

Смешно говорить, что вместо постмодернизма могло бы фигурировать любое другое услышанное от Курицына слово. Но что поделать - именно это произносится слишком часто, слишком убедительно и невероятно аппетитно. А то быть бы всем безобразникам концептуалистами, поставангардистами, метаметафористами, маньеристами, рококошниками, прерафаэлитами, короче - формалистами или еще кем-нибудь в подобном роде... Какая разница?.. В данном случае, никакой. Только вот мертвая зашоренная словесность, прикрывающаяся, как туземец, набедренной повязкой реализма, настойчиво и небезуспешно изображает (символизирует) из себя поборника естественности и человеческой непосредственности. Это становится как бы общим местом: Бутафорский борщ из предельной вторичности, ритуальности и этнографической орнаментальности почему-то позволяет якобы реалистам свидетельствовать,

пусть и о скучной, пресной, навязчивой, но правде жизни. А ведь господа Беловы, Крупины, Личутины, Бородины, Приставкины, Поляковы, Ермаковы плохи не своими нынешними или прошлыми убеждениями (они у них часто диаметрально противоположны), а плохи как писатели, всегда были плохи, если не сказать фальшивы. Легенда о чудесной "деревенской прозе" и замечательной "тихой лирике" - жалкая иллюзия, мираж несчастного советского интеллигента, безуспешно ожидающего автобус нужного маршрута и жадно, до аберрации зрения глядывающегося в асфальтовую безысходность...

Дело не в том, что "иная", "другая" (опять же "постмодернистская") литература умнее, остроумнее, разнообразнее, изысканнее, терпимее, лишена псевдогероизма и ханжества, открыта пространству и времени. Самые заразительные и обаятельные ее черты - это реальный прорыв в художественную и метафизическую подлинность, освобождение языковой и лирической энергии, эстетической и психологической полноценности. Честное слово, я люблю Набокова не за его, ставшие банальными и признанными, изощренность, филигранность, "шахматность" (я воспринимаю это как всего лишь неизбежный, неотменимый пароль, своего рода "отмычку" для Сезама). И в Джойсе, и в Борхесе,

и в Набокове меня влекут мерцающая чистота, пульсирующая осязаемость переживания, тревожная нежность грусти и страсти, цветная

вспышка жизни, воспоминания, счастливой секунды перед небытием... От прозрачного и почти наивного "Дара" до "Лолиты", "Бледного пламени" и "Истинной жизни Себастьяна Найта"...

И Бродский (первый среди равных), и Цветков, и Гандлевский гипнотизируют сознание единственной точностью абстрактного и биографического, универсального и нечаянного слова. Стереоскопический смех Рубинштейна - печальная и торжественная поэма нашего коммунального одиночества. Центонные мелодии Тимура Кубирова растворяют все, кроме непридуманных интонаций и детской непосредственности, хрупкого кристалла, празднично и застенчиво приемлющего мир. Бедный Всеволод Некрасов, блаженный Всеволод Некрасов. Контуженный на последней войне подданный Российской империи будет в бреду говорить его стихами, и по этим скучным словесным разрывам не составит труда воскресить уже несуществующую страну.

Будем сколько угодно прикидываться, господа. Без самоиронии и стеснительности, жестокости и безумия трудно не только забывать своих любимых, но и рассчитывать на безболезненную казнь. Последний реалист сегодня - Фридрих Горенштейн, автор легкой и сомнамбулической повести "Ступени", и тяжеловесного и сердитого до отвращения романа "Псалом", который, не отрываясь ни на секунду до самой последней страницы, страстно не хочется читать. Писатель этот столь педантичен и точен, прямолинеен и ангажирован собственным заблуждением, что, сам того не ведая, врезается на полном ходу в фантастическую Америку вместо расчисленной на карте и без него не скучающей Индии...

Современность требует размежевания, ухода в себя или, по меньшей мере, к своим. Отличия принципиальное сходство. Петербург и Москву нельзя представить даже в самой хлесткой антиутопии двумя районами одного постурбанистического города. И не надо. Достаточно того, что есть литература, которая, нет, не возвращает, а воплощает, да нет, просто возникает независимо от нас и не для нас, но вместе с нами - и этим хотя бы немного похожа на преображение и бессмертие.

Книга закрыта. Что остается брошенному в подвалы подсознания некогда разумному существу, жителю уже не двадцатого и еще не двадцать первого века? Чувство языка, собственной (пусть и ненужной) уникальности и личного достоинства. Без вычурной позы, истерического отчаяния и дешевой надежды на светлое до рези в глазах будущее.

СЕРГЕЙ ЛЕЙБРАД

СЛОВАРЬ "ЦИРКА ОДИН"

КОНТАМИНАЦИЯ - буквально означает "приведение в соприкосновение, смешение". В большинстве справочников и словарей "контаминация" трактуется как

лингвистический термин. Это не совсем правильный способ возникновения новых форм непроизвольным смешиванием в чем-то сходных слов и выражений. Строго говоря, контаминация - ошибка, результат малограмматности, когда люди путают "играть роль" и "иметь значение" и, умничая, произносят "играть значение". Но иногда язык усваивает подобного рода ляпы. Например, во времена Ф.М.Достоевского модным было словечко "будировать" (негодовать, возмущаться или, напротив, вызывать в ком-либо сильные неприятные эмоции), которое возникло путем контаминации французского глагола "bouler" (сердиться) с русским "будить".

Таким образом, понятие контаминации предполагает существование некоторой нормы, "правильности", которую нарушают. Нарушение при этом совершается без злого умысла, по недомыслию или приблизительному знанию. При этом "контаминация" имеет дело с общим наследием, с языком в самом широком смысле этого слова, т. е. с многообразием знаковых систем. Этим контаминация отличается от компиляции (буквально - воровство) - явления, к сожалению, часто встречающегося в

гуманитарных науках, когда труды составляются из чужих, принадлежащих другим ученым, мыслей.

Склонность к контаминации долгое время считалась признаком либо идиотизма (определение контаминации как смешения двух или нескольких событий при их описании - например, видение одного из героев в романе У.Фолкнера "Шум и ярость"), либо малограмматности и некомпетентности (в текстологии контаминация считается грубой профессиональной ошибкой и означает механическое совмещение разных редакций при установлении канонического текста писателя).

Правда, в фольклоре контаминация является одним из часто встречающихся способов сюжетообразования. Так, многие сказочные фабулы возникли как результат контаминации разных сюжетных мотивов.

В современном искусстве контаминация стала принципом художественного мышления. Поскольку все языки культуры равноправны, а понятие нормы оказывается фиктивным, то в смешении их элементов и структур нет ничего предосудительного. Например, повествование о бытовом любовном романе в духе Ремарка объединяется, смешивается с условно-экзистенциалистским экспериментом (Дж.Фаулз, "Волхв"). Блестящим отечественным контаминационистом является Евг. Попов ("Душа патриота, или различные послания к Ферфичкину",

"Прекрасность жизни", "Отель "Березка"). Его оригинальный художественный стиль представляет собой смешение самых разнообразных повествований (от официально-исторического до анекдотически-бытового), которые перебивают друг друга, обнаруживая при этом глубинное родство. Любопытна позиция самого автора, который прикидывается "простачком", не умеющим сосредоточиться на главном, так что контаминации как бы возвращаются ее исконный смысл - "непроизвольное смешение форм".

Контаминация является также одним из модных приемов языковой игры для создания комического эффекта, а иногда и с более глобальными целями. Впрочем, и в прошлом веке подобные контаминации встречались. В основе контаминации у Н.Лескова ("Левша") часто лежит ложная этимология (русское объяснение происхождения иностранных слов): мелкоскоп, нимфозория, укушетка (сравни современное - "Паблик Морозов").

Лингвистические контаминации часто используются в современной поэзии ("концептуализм"), в прозе Саши Соколова и др.

И. Саморукова.